

**Куклярский Федор Федорович**

## **Философия культуры**

**Идеалы человеческой культуры в свете  
трагмиропонимания**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Ф33

Ф33      **Федор Федорович К.**  
Философия культуры: Идеалы человеческой культуры в свете трагмиропонимания / Кукулянский  
Федор Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 132 с.

**ISBN 978-5-519-91651-6**

**ISBN 978-5-519-91651-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ПРЕДИСЛОВІЕ.

---

Пути человѣческой культуры идутъ въ сторону отъ путей подлиннаго познанія.

Волею судьбы мы живемъ въ трагическую, катастрофальную эпоху, смыслъ и значеніе которой неизмѣримы. И мы не можемъ не сдѣлать себѣ единственнаго пожеланія: быть достойными того очищающаго пламени, который снизошелъ къ намъ, уничтожая или закаляя, но во всякомъ случаѣ преображая черты нашего индивидуальнаго и культурно-національнаго облика.

Тысячью проблемъ загорѣлся нашъ духовной кругозоръ, и тѣ малыя и большія свѣтила, которыя, свѣтя намъ до сего времени, казались единственно путеводными—вдругъ померкли, почернѣли.

Великій проблематизмъ долженъ вызвать и величайшія усилія пытливой мысли, ибо послѣдняя всегда тяготеетъ къ назрѣвшимъ проблемамъ культуры. Естественно, что и авторъ настоящей книги не былъ исключеніемъ и былъ неудержимо вовлеченъ въ образовавшійся бурный круговоротъ переживаній, идей, мыслей, предчувствій. Это тѣмъ болѣе было неизбѣжно для него, что тотъ сдвигъ съ нормальныхъ плоскостей мышленія, который въ на-

стоящее время сталъ обыденнымъ, владѣлъ авторомъ уже много раньше и нашелъ свое выраженіе въ предыдущихъ трехъ его работахъ <sup>1)</sup>, въ особенности же—въ послѣдней изъ нихъ.

Отличіе предлагаемой работы отъ многихъ другихъ заключается въ томъ, что авторъ стремился, удачно или неудачно—судить не ему, вдохнуть въ нее тотъ духъ пытливаго исканія, который владѣтъ имъ. Съ этой цѣлью вся работа разбита на цѣлый рядъ книгъ, каждая изъ которыхъ будетъ включать въ себя, подобно настоящей, циклъ мыслей, группирующихся вокругъ однажды опредѣлившихся проблемъ. Причемъ многое, что первоначально будетъ высказано лишь въ самой общей формѣ,—въ дальнѣйшемъ получить свое историческое оправданіе и философское обоснованіе.

Настоящая первая книга посвящена характеристикѣ взаимоотношенія познанія и культуры, пути которыхъ весьма часто расходятся, при чемъ первая глава ея носитъ общій характеръ и имѣетъ своей цѣлью обрисовать въ бѣглыхъ чертахъ сущность трагизма культуры, тогда какъ послѣдующія главы преслѣдуютъ уже спеціальную задачу: критическій анализъ той познавательной - логической концепціи, которая въ качествѣ постулируемаго императива обуславливаетъ самыя формы господствующаго мышленія и, являясь *conditio sine qua non* современной культуры, вводитъ насъ въ пониманіе ея трагическаго духа.

---

<sup>1)</sup> См. Куклярскій. „Философія индивидуализма“. СПБ. 1910 г. „Къ философіи религіознаго бунтарства“. СПБ. 1911 г. и „Осужденный міръ“. СПБ. 1912 года.

Дефекты изложенія, имѣющіе мѣсто въ настоящей книгѣ, обязаны своимъ происхожденіемъ въ большинствѣ своемъ, той необычайной широтѣ заданій, пожертвовать которой въ пользу систематизма авторъ не нашелъ для себя возможнымъ и цѣлесообразнымъ. Систематизмъ менѣе всего отвѣчаетъ умунастроенію трагической эпохи.

---



## I. Современная историческая трагедія.

---

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію своего пониманія каждаго изъ культурныхъ заданій, выдвинутыхъ назрѣвшей катастрофой,—я предпошлю ему нѣкоторыя вводныя размышленія, характеризующія уголъ зрѣнія, принятый мной за руководящій.

Общая моя задача—обрисовать въ основныхъ чертахъ типъ культуры, которая включала бы въ себя всѣ противорѣчія идей и воленій и въ то же время силою своего духа преодолевала бы эту противорѣчивость. Духъ такой культуры неизбежно будетъ трагическимъ, ибо санкціонированная власть противорѣчія требуетъ отъ культуры жертвы, равносильной ея гибели. Однако, такая культура—культура трагического—осознанная и принятая нами не только какъ специфически русскій *fatum*, но и какъ общечеловѣческій предѣлъ достиженій—такая культура, преодолевая человѣческое, преодолеваетъ и всю противорѣчивость человѣческаго бытія.

На нашихъ глазахъ потрясена въ нѣдрахъ своихъ европейская цивилизація и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это—начало агоніи: томительной и длинной или, наоборотъ, быстрой, сжигающей—покажетъ будущее. Мы теперь знаемъ, что мучившія и раздиравшія ее противорѣчія уйдутъ съ нею въ могилу и только такимъ образомъ преодолѣются. И каждая индивидуальная жизнь говоритъ намъ о томъ же: тоска нашей жизни, ея преда-

тельская паутина, ея безысходные тупики провожают насъ до могилы. Жизнь со всѣми ея идеалами находитъ свое завершеніе только въ смерти—вотъ гдѣ источникъ трагическаго, въ безплодномъ бореніи съ которымъ протекала культурная дѣятельность человѣчества. Личность, народъ, цивилизація ищутъ завершенія своей жизни въ жизни, но находятъ его только въ смерти. Въ этомъ сказывается вѣчно трансцендентная природа идеального.

Только пріятіе, только сознательное утвержденіе такого конца, такого увѣнчанія жизни смертью можетъ быть названо преодоленіемъ противорѣчія, составляющаго ось нашей жизни. Естественно, что это будетъ и преодоленіемъ человѣческаго въ себѣ: предѣльно-трагическій подвигъ, долженствующій завершить эволюцію человѣческаго духа. Такъ возникаетъ изъ трагедіи культуры культура трагическаго съ ея откровеніемъ: сознаніе того, что смерть также вездѣсуща, какъ и жизнь придаетъ великій смыслъ и ни съ чѣмъ несоизмѣримую цѣнность культурѣ трагическаго.

Культъ трагическаго, культъ безысходности жизни въ жизни и исхода ея въ смерти—таковъ основной лозунгъ и принципъ русской культуры въ будущемъ. Нужно раз навсегда оставить всѣ мечты объ общечеловѣческомъ синтезѣ, гармоніи, единствѣ, ибо именно эти мечты предательски поражаютъ въ самое сердце русскую культуру. Однако этимъ я вовсе не утверждаю неосуществимости и абсолютной неприемлемости какого бы то ни было синтеза, но утверждаю, что нуженъ окончательный, универсальный синтезъ; не нуженъ синтезъ временный, скрывающій въ себѣ новый разрывъ, но нуженъ подлинный, послѣдній разрывъ во имя осуществленія завершающаго, универсальнаго синтеза.

Нужна трагедія. Дистанція же между послѣднимъ, трагическимъ разрывомъ и подлиннымъ синтезомъ—это

дистанція между человѣческимъ и нечеловѣческимъ, между |  
человѣкомъ и міромъ. Преодоленіе этой мучительной для  
человѣка дистанціи завершитъ культуру трагическаго. Всѣ  
же quasi—синтезы, всѣ палліативы, стремящіеся объединить  
человѣчество и устроить гармоническую систему культуры  
при наличіи игнорируемаго разрыва съ природой,—только  
затормозятъ великое дѣяніе. Каждая личность, каждый  
народъ и каждая цивилизація несли до конца возложенное  
на нихъ бремя, и Россія не можетъ быть исключеніемъ;  
тѣмъ болѣе, что западно-европейскій опытъ краснорѣчиво,  
убѣждаетъ ее въ неизбѣжной безысходности культа жизни  
и творческой воли. Изжитый культъ жизни на Западѣ и  
изживаемый культъ смерти на Востокѣ открыли намъ  
лишь одну возможность, одну муку: культъ трагическаго.  
Только такая культура осуществитъ всечеловѣческую мис-  
сію: преодоленіе человѣка. Достоевскій—вотъ живой сим-  
волъ русскаго духа и русской судьбы. Онъ—прекрасный  
залогъ того, что русскій духъ не уклонится отъ голговы,  
уготованной ему исторіей. Для того, чтобы убѣдиться въ  
томъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ велѣніями историче-  
ской логики, достаточно бросить два бѣглыхъ взгляда въ  
сторону востока и запада.

Взглянемъ на западъ: вся цивилизація насыщена во-  
лей къ жизни, къ власти, къ творчеству. Западно-евро-  
пейскій человѣкъ всецѣло погруженъ въ атмосферу человѣ-  
ческаго самоутвержденія. Со временъ Возрожденія и Ре-  
формаціи, когда пала гегемонія обоготворенной церкви,  
западно-европеецъ все болѣе и болѣе осознавалъ въ са-  
момъ себѣ единственную опору своего существованія и  
своей культуры. Подобно тому какъ Римско-Католическая  
церковь начала свое историческое бытіе съ отрицанія  
міра, а затѣмъ обосновала этимъ отрицаніемъ міра свою  
божественную власть надъ міромъ, точно также и западно-  
европейская культура, возникнувъ изъ отрицанія боже-

ственного насилия церкви, прочно утвердила на основѣ такого отрицанія собственную власть надъ міромъ и, наконецъ, обожествила культурнаго человѣка. Отсюда эти такъ хорошо знакомыя намъ черты: разумъ, полный творческой энергіи, исходящей отъ воли къ власти, строящій свой идеальный міръ — въ философіи и побѣждающій реальный міръ — въ наукѣ и technikѣ; религіозная жизнь, раціонализированная и гуманизированная въ цѣляхъ приспособленія ея къ запросамъ автономнаго человѣка и, наконецъ, социализмъ, предвосхищающій и смакующій полное благополучіе культурнаго человѣка въ будущемъ.

Въ противоположность этому волящему Западу безвольный Востокъ раскрываетъ намъ совсѣмъ инныя черты: вся восточная цивилизація дышетъ „волей“ къ смерти, къ Нирванѣ, къ созерцанію и покою. Разумъ исключительно созерцателенъ, побѣжденъ религіознымъ чувствомъ, культомъ, загипнотизированъ идеей небытія, смерти; чувство смертности — религіозное чувство — владѣетъ жизнью души и тѣла; духъ трансформируется въ нѣчто почти неорганическое, каменѣетъ все въ человѣкѣ и, *eo ipso*, онъ отождествляется, сливается, по пустотѣ своего бытія, съ небытіемъ. Однако великая привиллегія его при этомъ: созерцаніе — безмятежное, одинокое и вѣчное созерцаніе безобразнаго, безжизненнаго, пустыннаго и неизмѣннаго бытія — небытія!

Какая же пропасть, какая неизмѣримая дистанція раздѣляетъ эти два міра: — горящій творческимъ огнемъ, созидающій міръ по образу своему — Западъ, и зачарованный смертью, безвольный и почти безсознательный, каменѣющій и вѣчно умирающій — Востокъ! И вотъ, между этими мірами — антиподами лежитъ громадный, сверкающій всѣми цвѣтами, но — увь! — расколотый монолитъ — Россія, непонятное никѣмъ, и непонятное самому себѣ царство сказочныхъ бореній, вѣчнаго поединка умовъ и безмѣрной тоски — по чемъ? по комъ?

Геній русскаго дышетъ въ атмосферѣ противорѣчія Востокъ—Западъ, и величайшая, предѣльная антиномія боретъ его. Естественно, что именно въ сознаніи русскаго должно было зародиться и хотя бы отчасти оформиться то трагическое міропониманіе, которое, будучи обосновано—съ одной стороны—суровой критикой западно-европейскихъ культурныхъ цѣнностей и идеаловъ, а съ другой—не менѣе суровымъ и пытливымъ взглядомъ въ сторону Востока,—укажетъ Россіи ея подлинную миссію въ исторической судьбѣ народовъ и явитъ собой подлинно русское міропониманіе. Громадный трудъ обоснованія такого міропониманія отчасти уже выполненъ. Тѣмъ не менѣе онъ и сейчасъ остается настолько значительнымъ, что дальнѣйшее его выполненіе въ наше время можетъ быть лишь его продолженіемъ, но ни въ коемъ случаѣ не завершеніемъ.

Мертвыя тѣла, великія покойники исторіи: Ассирія, Вавилонія, Персія, Египетъ, Финикія, Греція, Римъ—говорятъ намъ о томъ, что преемственное движеніе культуры шло съ востока на западъ, т. е. въ направленіи того великаго переселенія народовъ, которое вызвало къ исторической жизни антиномію восточнаго созерцанія и западнаго воленія. И въ послѣднее столѣтіе это движеніе продолжилось, породивъ новую американскую культуру. Каковъ же смыслъ этого послѣдняго историческаго акта? Смыслъ этотъ отчасти раскрывается для насъ благодаря многимъ аналогичнымъ историческимъ прецедентамъ: если расцвѣтъ Греціи означалъ конецъ Финикіи и Египта, расцвѣтъ Рима—конецъ Греціи, расцвѣтъ Западной Европы—конецъ Рима, то, повидимому, и расцвѣтъ Америки означаетъ конецъ Западной Европы. Допуская роль чудеснаго въ исторіи, можно было бы сказать, что человѣческая культура подражаетъ солнцу, этому великому источнику жизни. Иначе какъ объяснить избранное народами

направленіе для своего переселенія? Но въ такомъ случаѣ нельзя отрицать и того, что ея концы, предѣлы совпадутъ или уже совпадаютъ (Японія) съ ея началами, съ мѣстомъ ея зарожденія. И такое совпаденіе будетъ весьма симптоматично въ смыслѣ характеристики переживаемой нами эпохи, какъ эпохи, замыкающей кругъ культурной эволюціи.

Какова же при наличіи этой исторической оріентаціи культурная роль Россіи? Отвѣтъ—ошеломляющій отвѣтъ—невольнo напрашивается: роль обойденнаго, потусторонняго царства на землѣ. Такъ-ли это?

Отчасти это такъ, но для того, чтобы знать насколько именно такъ обстоитъ судьба Россіи, нужно выяснитъ, какъ возникла эта обойденность, нужно спроситъ, не скрыто ли въ этой „обойденности“ все будущее величіе Россіи? И прежде всего нужно ввести весьма важный коррективъ въ историческую оріентацію изложеннаго типа, а именно необходимо не упуститъ изъ виду, что западно-европейское культурное наслѣдіе, какъ это уже опредѣлилось фактически, унаслѣдовано не только Америкой (отъ Англіи), но и Россіей (отъ Германіи), что, слѣдовательно, преемственное движеніе культуры съ востока на западъ, достигнувъ своихъ естественныхъ предѣловъ—океаническихъ береговъ Англіи, хотя и перешагнуло черезъ океанъ—въ Америку и черезъ второй океанъ—въ Японію, все же много раньше другимъ направленіемъ своего поступательнаго движенія избрало уже движеніе съ запада на востокъ. Этого ни въ коемъ случаѣ не должна упускать изъ виду наша историческая оріентація, тѣмъ болѣе, что движеніе на западъ, въ силу власти русскаго надъ пространствомъ, приводитъ культурнаго триумфатора къ нашимъ восточнымъ берегамъ. Второй поправкой, неизбежно слѣдующей за внесеніемъ первой, только что изложенной, въ указанный выше предварительный типъ исторической оріентаціи—будетъ, конечно, слѣдующая. Поскольку исторически сложившійся культур-